

Современное международное право и глобальная справедливость: оксюморон или новая нормальность

Альбов А.П.,

доктор юридических наук, профессор Департамента
«Правовое регулирование экономической деятельности» Финансового университета,
профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
профессор Российского университета кооперации,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Института мировых цивилизаций
E-mail: aap62@yandex.ru

Булавина М.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Института мировых цивилизаций
E-mail: m.a.bulavina@yandex.ru

***Аннотация.** В статье анализируются международные отношения с точки зрения принципа справедливости. Особый акцент сделан на влиянии международного права на формирование обязанностей субъектов международного права. Авторы приходят к выводу, что обязанности существуют независимо от того, разделяет ли субъект нормы международного права или нет. Однако сами международные институты могут влиять на то, как субъект выполняет данные обязанности.*

***Ключевые слова:** справедливость, международные отношения, система международного права, распределительный эгалитаризм, международные обязанности, международные институты, США и Западная Европа.*

Проблема международных взаимоотношений государств, народов и граждан привлекает к себе всеобщее внимание, оживленно обсуждается сегодня в средствах массовой информации, печати, научных дискуссиях. Она действительно важна и актуальна, ибо вопрос о социальных последствиях международных отношений невозможен без решения вопроса о взаимосвязи между нормами международного права и справедливостью, которые были заложены еще в Древнем мире, разрабатывались Платоном и Аристотелем и рассматривались в контексте этических учений такими категориями как «справедливость», «истина», «благо». В диалоге «Федон» Платон указывает, что войны «происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело»¹. Аристотель в своих сочинениях «Политика» и «Никомахова этика» рассматривает войну как естественное средство установления правления над варварами, создавая право народов, т.е. международное право.

В Новое время Г. Гегель писал: «Субстанциальное благо государства есть его благо в качестве особенного государства в его определенном интересе и состоянии и в столь же свойственных ему внешних обстоятельствах наряду с особенными договорными отношениями; тем самым правительство есть особенная мудрость, а не всеобщее провидение, равно как и цель в сношениях с другими государствами и принцип спра-

ведливости войн и договоров есть не всеобщая (филантропическая) мысль, а действительно нарушенное или подвергающееся угрозе благо в его определенной особенности»².

Взаимосвязь между правом и справедливостью, правом и нравственностью не вызывает сомнений. Но, по-видимому, все согласится с тем, что нравственная атмосфера, царящая в межгосударственных отношениях, обусловлена не в последнюю очередь реализацией справедливости между участниками международных правоотношений. Тем более, если говорить о таких субъектах международного права, как государства. Надгосударственных систем в чистом виде и, отталкиваясь от понятия суверенитета, не существует. Тем самым, способов воздействия на государства, собственно, и быть не должно. Однако фактические данные говорят о другом.

Предметом научных споров до сих пор остаётся вопрос: в чем конкретно состоит справедливость и, более того, как должна быть достигнута международная справедливость. Так шотландский философ Д. Юм представитель номинализма и скептицизма пытался решать вопрос о справедливом распределении в работе «Исследование о принципах морали», где, в частности, отмечал, что при благоприятных климатических условиях при «счастливым сочетании» природных и климатических факторов справедливость и добродетель «умножалась бы десятикратно»³.

¹ Платон. Федон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 17.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 368.

³ Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 189, 190.

Некоторые авторы утверждают, что социальные взаимоотношения имеют две стороны, и соответственно, и два понятия справедливости. С одной стороны, это институты семьи и брака, экономики и образования, которые называются объективной справедливостью и, в случае права и государства, — политической справедливостью⁴.

Следует отметить, что древнегреческие мыслители милетской, пифагорейской, элейской школы и, в частности, Платон определяли основания для различия между понятием справедливости как определенной оценкой поступков лица и справедливостью как добродетелью государства. Проблему справедливости как проблему распределения ограниченного количества ресурсов Аристотель отдельно не ставил и не пытался решать. Тем не менее мыслитель в своих работах показывал, что справедливость это достаточно редкое качество и не очень-то верил в убеждения, основанные на нравственных аргументах, ибо: «...большинству людей по природе свойственно подчиняться не чувству стыда, а страху и воздерживаться от дурного не потому, что это позорно, но опасаясь мести». Поэтому общество нуждается в законах справедливых, распределяющих поощрение и наказание: «Но самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»⁵. Следовательно, справедливость «распределительная» в философии Аристотеля есть ни что иное как этико-правовая категория, направленная на поощрение граждан в соответствии с их заслугами перед обществом. В дальнейшем этот принцип будет формализован в римском праве как *suum cuique* («каждому свое»).

Нормы распределительной справедливости могут быть применены в любой ситуации, касающейся участников отношений, и в этом смысле могут быть признаны всеобщим принципом права.

Считается, что национальные правовые системы порождают объективные обязанности распределительной справедливости: те, кто разделяет ответственность перед государством, на таких же основаниях разделяют определенный набор обязанностей друг перед другом, в том числе некоторые обязанности распределительной справедливости. Создание национального государственного органа видоизменяет обязанности лиц, находящихся на территории этого государства, что приводит к новым обязанностям распределительной справедливости.

Две известных формулы римского права: *lex respicit aequitatem* — право с уважением относится к справедливости и *omne jus hominum causa*

constitutum — всякое право установлено ради людей, не означают, что для всех должно существовать только одно право. Сегодня каждое государство, имея свою собственную правовую систему и систему права в международной деятельности, опираются также на нормы международного права, которое обеспечивает стабильные межгосударственные экономические, политические, гуманитарные отношения. Нормы права записаны на различных языках, использованы различная юридическая техника и особые процедуры при подготовке нормативных документов, нормы права вобрали в себя национальные обычаи и традиции⁶.

В статье мы попытаемся рассмотреть один из актуальных вопросов современных международных отношений, а именно — приводит ли формирование международной правовой системы к возникновению новых эгалитарных обязанностей справедливости, иными словами — приводит ли создание международной правовой системы к возникновению определенного набора обязанностей?

И можно ли говорить о морали и политике, как единой субстанциональной основе международного права, как писал Г. Гегель: «Одно время много говорилось о противоположности между моральностью и политикой и о том, чтобы политика соответствовала требованиям моральности. Здесь следует лишь вообще заметить, что благо государства имеет совершенно иное оправдание, чем благо отдельного лица, что нравственная субстанция, государство, имеет свое наличное бытие, т.е. свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом его деятельности и поведения. Воззрение о мнимом «нраве», которое в этом противополжении якобы всегда свойственно политике, покоится преимущественно на поверхностности представлений о моральности, о природе государства и его отношения к моральной точке зрения»⁷.

Для ответа на эти вопросы необходимо решить проблему, а именно: существуют ли обязанности между субъектами, разделяющими ответственность перед международной правовой системой, или какие обязанности создаются фактом существования правовой системы как таковой? Как будет выглядеть правовая система, способная должным образом обеспечить исполнение обязанностей справедливости всеми, на кого она распространяется, какими бы эти обязанности ни были.

⁴ Хёффе О. Справедливость: философское введение. М.: Практикс, 2007. С. 41.

⁵ Аристотель. Политика. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 547.

⁶ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтер Клувер, 2011.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 368.

Например, можно допустить, что отдельные политики имеют эгалитарные обязанности в силу их статуса, поэтому международно-правовая система должна быть реорганизована в эгалитарной манере, даже если эта система не является сама по себе источником таких эгалитарных обязанностей. В этом случае продолжали бы существовать коллективные субъекты с территориальной юрисдикцией и принудительной властью над всеми, кто попадает под их юрисдикцию.

Однако отношения этих государств не были бы опосредованы нормами международного права. Такие государства могут вступать в отношения, заключать договоры и иметь моральную природу, достаточную для того, чтобы считать эти договоры имеющими моральную основу. Единственное отличие будет заключаться в том, что все такие отношения должны быть отношениями особого рода — *sui generis*, а нормы, регулирующие отношения внутри того или иного набора государств, должны быть согласованы этими государствами с учетом их интересов, намерений и нравственных принципов.

Следовательно, отношения государств без международной правовой системы более приемлемы, чем существование государства без национальной правовой системы. Мир, в котором государства вообще не имеют внутреннего правительств, представляется недопустимым, так как национальное государство является той силой, для которой надлежащим образом устанавливаются и выполняются права и обязанности всех субъектов правоотношений.

Именно такую точку зрения мы находим у Ф.Ф. Мартенса, который указывал: международное право «не может признать, что данное общество существует, если оно не признано государственным законом, или принять его за самостоятельный политический организм, если оно не является таковым по началам государственного права»⁸.

Международное признание как институт в международно-правовой доктрине характеризуется как «призрачный», так как в большой степени связан с политическими отношениями и проблемами. В то же время он имеет широкое распространение, потому что создает нормы обычного права.

Однако ошибкой было бы думать, что в отсутствие критериев признания государства сами прекратят свое существование. Наличие или отсутствие отдельных территориальных единиц, каждая из которых имеет монополию на применение принудительной силы в пределах этой территории, существует по факту, а не по закону. Например, распространенный отказ признать Тайвань суверенным государством не вынудил

ее отказаться от внутреннего функционального аппарата⁹.

Полагать иначе — значит путать набор правовых критериев с набором существующих социальных институтов. Можно предположить, что государства существуют в том виде, в каком мы их знаем в нашем собственном мире, отличие между этими государствами заключается в отсутствии постоянных правовых институтов, к которым эти государства могут обращаться в своем взаимодействии, однако существование этих государств само по себе не зависит от таких правовых институтов.

Вместо этого можно было бы утверждать, что данная ситуация фактически имеет правопорядок, поскольку государства в нем способны осуществлять внутренние и внешние функции, ведь, в конце концов, и международное право во многом является результатом соглашений, которые государства заключают друг с другом. Действительно, основополагающей нормой международного права является то, что соглашения должны заключаться только в духе доброй воли, как указано в ст. 26 Венской конвенции 1969 г.¹⁰

Сам по себе принцип добросовестности исполнения договоров и доброй воли при их заключении напрямую связан с принципом справедливости. На практике это выражается в обеспечении достижения справедливых условий международных договоров и решений международных органов.

Если эти условия не соблюдаются, то невозможно представить себе, что мы живем в мире, в котором государства взаимодействуют, без этого факта, самого по себе предполагающего существование некоего правового порядка, обусловленного конкретным набором социальных институтов или норм права.

В этом отношении интересно замечание Т.М. Сканиона, который представляет себе возможность случайной встречи между двумя членами различных племен, которые в состоянии прийти к соглашению друг с другом, показывая жестами и общими знаками, что каждый из них решил. Казалось бы, неверно думать, что эти представители двух племен таким образом создали межплеменное учреждение. Агентство этих представителей племен является их собственным: каждый из них заявил о своей готовности

⁹ Иващенко А.С. Проблемы социально-экономического развития новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) в 70-е гг. XX начале XXI вв. // Вестник АГУ. Серия 1. 2014. № 2(139); Ларин А.Г. Тайвань — социально-экономический, политический, идеологический феномен // История и современность. 2006. № 1.

¹⁰ Талаев А.Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М., 1985; Международное право. Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999; Лукашук И.И. Современное право международных договоров. М., ИГПАН, 2004.

⁸ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. М.: Зерцало, 2008. С. 220.

связать себя определенными действиями, и это желание существует просто в силу их статуса в качестве агентов. Они ни создают, ни требуют отдельной институциональной структуры. Аналогично группы лиц или их представители вполне могут осознавать себя в качестве агентов, обладающих такой способностью, без необходимости создания в этой связи чего-то сродни международному праву. Для международных отношений необходимо, чтобы государства имели возможность общаться и вступать в договорные отношения. И очевидно, что ничего из этого не представляет собой отдельный набор правовых институтов, а также не требует создания таких институтов¹¹.

Считаем, что прежде чем переходить к некоторым выводам, необходимо коснуться сущности международного права, которое есть в первую очередь особая отрасль права, регулирующая сферу международных отношений, определенным методом, причем нормы права создаются в результате либо договора, фиксированного в международных документах, либо по умолчанию принимается обычай соглашения между субъектами международного правоотношения, обеспечиваемых принуждением, формы, характер и пределы которого определяются в опять же соглашениями, установленными государствами. Особенностью метода международного права является возможность применения санкций и жестких мер в целях соблюдения субъектами правоотношения норм международного права на основе соответствующих международных договоров.

Сущность международного права в более упрощенном виде можно свести к следующему: это система права, созданная путем согласования воли его субъектов (в первую очередь, государств), играющая стабилизирующую и координирующую роль в международных отношениях. При этом, взаимодействуя с внутригосударственным правом, оно выступает отдельной, независимой и обособленной правовой системой со своими отраслями права и институтами. Все это приводит к следующему логическому выводу: необходимость существования системы права повлекла за собой и создание специальных негосударственных структур, координирующих применение данных норм. Однако, несмотря на объявленный в международном праве принцип равного суверенитета, на практике мы не видим равенства государств. И международные институты, призванные изначально служить координации отношений и реализации принципа справедливости, в конечном итоге действуют в совершенно противоположном направлении.

¹¹ Scanlon T.M. Promises and Practices // *Philosophy and Public Affairs*. 1990. № 19. P. 199–226.

Исходя из вышесказанного можно рассмотреть несколько аргументов в пользу того, что международные правовые институты, которые сейчас существуют, должны создавать различные распределительные обязанности между государствами.

Во-первых, существующий международный правовой порядок является причиной бедности и отсталости большей части государств, западноевропейские государства и США обязаны заниматься перераспределением, потому что «правила игры» созданы этими государствами в собственных интересах, и, следовательно, они несут каузальную ответственность за эту бедность.

Аргумент причинности не нов, он находит свое выражение уже у авторов, придерживающихся теории зависимости, которые утверждали, что постоянное недоразвитие глобального Юга может быть приписано к решениям и практическим мерам, принимаемым глобальным Севером¹².

У тех, кто выдвигает аргумент, общим является то, что обесцененность человеческой жизни является распространенным фактом в слаборазвитых странах, но это не происходит по вине бесхозяйственности или коррупции, низкий уровень развития проистекает скорее из набора глобальных институтов, которые налагают на малоимущих достаточно большое бремя расходов. И как результат, те, кто получает выгоду от этой несправедливости, должны преодолеть ее, сначала перестав быть бенефициарами этой несправедливости, а затем работая над созданием альтернативного, справедливого мирового порядка.

Эти идеи нашли свое выражение в работе Томаса Погге, с точки зрения которого жители современных западных обществ виновны в коллективном наложении наборов институтов на бедных по всему миру, неся каузальную ответственность за огромное количество предотвратимых смертей и страданий. Согласно концепции Риссе система международных норм фактически вредит бедным, а не просто не в состоянии адекватно помочь им¹³.

По нашему мнению, эти факты говорят совершенно о другом: что развитые государства нарушают права бедных стран во всем мире, а ссылки на международное право являются неудачным методом обоснования этих нарушений. Это не одно и то же, и эти два момента следует отличать друг от друга. Если международная система в целом или частично несет ответственность за бедность слаборазвитых стран, то сама система должна рассматриваться как агент, поскольку она может сама быть носителем обязанностей и прав.

¹² The Globalization and Dependency Reader: Perspectives on Development and Global Change / Eds. Roberts J.T. and Hite, A.B. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2007.

¹³ Risse M. Do We Owe the Global Poor Assistance or Rectification? // *Ethics and International Affairs*. 2005. № 19. P. 9–18.

Чтобы убедиться в этом, следует взглянуть на основную идею признания государства, идентифицированную Т. Погге как ключевой элемент юридической системы. Государства предлагают (или не предлагают) взаимное признание, при этом они используют инструменты международного права в свое оправдание. Их модели признания не вполне согласуются с нормами международного права, и приведенный выше пример Тайваня доказывает этот факт. Но субъекты, осуществляющие это признание и тем самым демонстрирующие готовность вступить в торговые отношения, сами являются государствами.

По нашему мнению, само по себе признание на существование субъекта уже влияния не оказывает. Оно имеет значение лишь с точки зрения взаимодействия между государствами и возможности участия нового субъекта в международных организациях. Именно поэтому существует несколько теорий признания: «конститутивная» (акт признания дестинатора играет решающую роль) и «декларативная» (признание не означает придание определенного правового статуса, а лишь констатирует факт возникновения нового субъекта и облегчает его существование). И, например, Ролз не использует вообще таких конкретных понятий как государство. Он пользуется терминами «народы», «общества», саму же мировую систему представляет как «сообщество». Кроме того, существует признание *de-facto* и *de-jure*, а также признание кратковременное или «для данной ситуации» — *ad hoc*.

Признание для Погге является предшественником более конкретных форм отношений, таких как торговля и готовность вступать в торговые отношения, даже при отсутствии установленной нормы, запрещающей такие отношения. Но если вышесказанное верно, то государства обязаны избегать каузального соучастия в разного рода бедствиях, описываемых Погге как нечто само собой разумеющееся при любых обстоятельствах. Эти обязанности не порождаются международно-правовыми инструментами и не зависят от их дальнейшего существования¹⁴.

Что же тогда меняет международное право, если оно не является источником обязанностей? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к идее того, что международное право может способствовать выполнению обязанностей, даже если оно само по себе не является источником обязанностей.

Теперь можно перейти от вопроса причинности к вопросу выполнения. Как уже было показано выше, международное право является частью кон-

текста, на который государства могут ссылаться в защиту своего международного статуса. Следовательно, международное право может быть изменено таким образом, чтобы гармонизировать правовые нормы с моральными обязанностями.

Аллен Бьюкенен выдвинул перспективный план, с помощью которого можно было бы провести такие правовые реформы. Международное право, которое будет использоваться, может стать более сложным только через моральное воздействие на государства в отношении ведения бизнеса с клептократией и коррумпированными режимами. Моральные обязанности государств, однако, сохраняются, даже если такая правовая реформа не проводится. Действительно, государства с наибольшей способностью нарушать условия международного права, такие, как, в частности, США, являются наиболее достойными порицания за отказ действовать в интересах правосудия¹⁵.

Во-вторых, государства имеют распределительные обязанности по решению спорных вопросов, потому что они породили сложные административные институты и процедуры, «миротворческие интервенции, проводимые ООН, вызывают подозрения, что универсалистский проект, на словах стирающий грани между своими и чужими, оказывается формой морального ханжества и, более того, следует стратегии “маленькой победоносной войны”, которая считается политиками ... хорошим средством для поддержания боеспособности населения “первого мира”»¹⁶.

Об этом писал также и Г. Гегель: «Вследствие того что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых, также и в войне, в состоянии бесправия, насилия и случайности, сохраняется связь, в которой они значимы друг для друга как в себе и для себя сущие, так что в войне сама война определена как нечто должностное быть преходящим. Поэтому война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира, что, следовательно, послы должны быть неприкосновенны и что война вообще ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц»¹⁷.

Мнение, что справедливость имеет определенное отношение к дискурсу и, следовательно, к некоторому соответствующему набору норм для взаимоуважительного дискурса, не является новым. Это ключевой аспект политического либерализма Джона Ролза: «Хотя сама нетерпимая

¹⁴ Pogge T. *Realizing Rawls*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002; *World Poverty and Human Rights*. New York: Polity, 2010; *The Role of International Law in Reproducing Massive Poverty* / Eds. S. Besson and J. Tasioulas; *The Philosophy of International Law*. Oxford: Oxford University Press. P. 417.

¹⁵ Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001.

¹⁶ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 35.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 368.

секта не имеет права жаловаться на нетерпимость, ее свобода должна ограничиваться, только когда терпимые искренне и с достаточным основанием полагают, что существует угроза их собственной безопасности и безопасности институтов свободы. Терпимые должны ограничивать нетерпимых лишь в этом случае»¹⁸.

Возвращаясь к идеям Канта, отметим, что гражданский мир возникает там и тогда, где и когда социальное принуждение охраняет право каждого на собственное счастье и в то же время способствует нравственному совершенствованию всех членов общества, когда в своих возможных действиях человек рассматривает себя и другого не только как средство, но и как цель — как высшее ограничивающее условие любого возможного поступка, налагающее категорический запрет на поступок, наносящий вред человеку»¹⁹.

Д. Коэн и Ч. Сейбл изложили концепцию, согласно которой система современных международных институтов, созданных различными государствами, порождает определенный набор международных обязанностей справедливости»²⁰.

Эта идея высказывается как ответ на утверждение о том, что за пределами государства не существует справедливости или, точнее, что за пределами государства, не существует никаких отношений, к которым применяются обязанности или нормы правосудия или справедливости, ибо каждое государство определяет само свою форму существования: «Цель социалистов — равное распределение доходов — неизбежно ведет к замене естественного порядка жесткой организацией»²¹.

Д. Коэн и Ч. Сейбл ответили на это утверждение, отметив сложную систему управления, созданную транснациональными институтами, такими, как Всемирная торговая организация (ВТО) и Международная организация труда (МОТ).

Принятие в эти организации фактически является необходимой предпосылкой для выхода на международный рынок, кроме того, эти организации могут быть достаточно независимы в своей деятельности и создаются в качестве судебных третейских органов, способных разрешать споры между государствами-участниками. Это означает, что указанные институты создают новые нормы, а государства, вступающие в ВТО, приобретают обязанности по отношению к дру-

гим государствам-участникам, которые лучше всего охарактеризовать как обязанности справедливости и которые не существуют между государствами в целом.

Авторы описывают эти обязанности по существу, аналогично обязанностям, приписываемым гражданам соответствующих государств в политическом либерализме: государства имеют обязанности, чтобы обосновать свои действия по отношению друг к другу через причины, вытекающие из общественно-политической культуры, из общего институционального устройства. В этом отношении государства приобретают определенный набор обязанностей справедливости в силу их общего членства в международных правовых институтах.

«В случае с Ролзом единственными ограничителями являются те ограничения, которые будут наложены благоразумной рациональностью»²².

Хотя Коэн и Сейбл особо не оговаривают это положение в дальнейшем, можно сказать, что данная методология может использоваться для защиты обязанностей распределительной справедливости между государствами. Если справедливость распространяется на государства в силу их общего членства в наборе институтов, то можно считать, что они имеют обязанности по обеспечению равноправного положения перед этими институтами, потенциально включая некоторые гарантии материального равенства.

Наряду с транснациональным гражданским обществом возрастает влияние на национальную экономику национального права. Что интересно отметить: наиболее значимыми игроками в политике оказываются не столько политические элиты, а ведущие экономисты в университетах, «светлые головы», высоко ранжированные эксперты, занимающие командные посты в многих центральных банках и международных агентствах, типа МВФ, Всемирного банка, ВТО, ЕС. Безусловно, было бы заблуждением со стороны политиков и законодателей опираться при разработке общественных норм на оторванные от жизни расчеты, абстрактные заключения или ожидания, смоделированные экономистами»²³.

Можно предположить, что США могут настаивать на том, чтобы другие, более слабые государства прекратили свои сельскохозяйственные субсидии, в то же время, продолжая субсидирование собственного сельскохозяйственного производства»²⁴.

¹⁸ Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, 1993.

¹⁹ Альбов А.П., Шалин В.В. *Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации*. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005.

²⁰ Cohen J., Sabel C. *Global Democracy? // International Law and Politics*. 2005. № 37; *Extra Republicam Nulla Justitia? // Philosophy and Public Affairs*. 2006. № 34. P. 147.

²¹ Хайек Ф. *Познание, конкуренция и свобода*. СПб., 1999. С. 60.

²² Макинтайр А. *После добродетели. Исследование теории морали*. М., 2000. С. 338.

²³ Альбов А.П., Ручкина Г.Ф. *Влияние национальной правовой культуры, национального права и правовой системы на устойчивое развитие экономики // Государство и право*. 2016. № 1. С. 47–58.

²⁴ Watkins K., Fowler P. *Rigged Rules and Double Standards: Trade, Globalisation and the Fight Against Poverty*. Oxford: Oxfam, 2004.

В первом случае США шифруют, нивелируют эти неравноправные отношения в наборе институтов, которые они навязывают в качестве договоров присоединения всем государствам, которые желают участвовать в торговых отношениях с США.

Во втором случае США не делают ничего столь необычного: они не устанавливают многосторонний договор и не высказывают свои претензии в части постоянного набора институтов. Вместо этого они просто-напросто заключают договоры со всеми этими государствами, обязав каждое из них принять несправедливые условия в качестве предварительного условия для вступления в торговые отношения.

Есть ли существенная моральная разница между этими двумя случаями? Очевидно, что она не видна, ее просто нет: поведение государства в обоих случаях, вероятно, не пройдет испытания элементарной справедливостью. Если это так, то очевидно, что Коэн и Сейбл не совсем корректно утверждают, что обязанность участвовать в процессе политического обоснования сама по себе является продуктом правовой системы. Наоборот, такая обязанность предшествует обсуждаемому здесь правовым институтам и ограничивает все государства, независимо от отсутствия или наличия таких институтов.

Коэн и Сейбл могут настаивать на новизне таких институтов, и они справедливо указывают на то, что эти институты, отличаются от двусторонних договоров, и прежде всего, являются более сложными в административном отношении и действуют с определенной степенью независимости от справедливых потребностей субъектов права их создавших. Последнее обстоятельство представляется актуальным, поскольку оно, как кажется, исключает возможность того, что транснациональные институты в таком виде могут представлять собой подлинно новую форму международного института. Не приводит ли это различие к анализу того, что было обнаружено для отдельного государства, в котором создание нового агента дает начало созданию новых обязанностей?

Во-первых, имперские амбиции США находили выражение в официальных заявлениях: «доктрина Монро», «длинная телеграмма» Дж. Кеннана, исторические исследования Мэхена. Экономическая политика, осуществляемая под влиянием идей, содержащихся в этих сочинениях, последовательно привела к обретению США господства сначала на американском континенте, а сегодня и в Западной Европе и Латинской Америке. На основе этих документов политическим руководством США формировались доктринальные основы политики, известные как «доктрина Трумэна», «доктрина Эйзенхауэра», «доктрина Кеннеди» и т.д. до современности. Положения доктрин, адаптируя политический

курс в соответствии с актуальными задачами, оставались неизменными в следовании рассмотренным принципиальным идеям. Основное их содержание было направлено на необходимость сохранения лидерства США, курса на достижение мировой гегемонии, укрепления курса национальной валюты, подчинения мира своей воле, т.е. сохранение американского имперского превосходства²⁵.

Во-вторых, различные государства обладают разной степенью зависимости от ВТО и МОТ: развитые государства могут отказаться от этих институтов, если их политика будет обходиться слишком дорого. Это, очевидно, является одной из причин, почему условия торговли, принятые в ВТО, оказались настолько благоприятными для интересов западных государств, обеспечивая им более широкие возможности по сравнению с более слабыми в экономическом отношении государствами по проведению политики в своих интересах. Если это так, то лучшее описание ВТО и аналогичных институтов — это не то, что они являются институтами, обязательными для всех их государств-участников, а то, что они представляют собой набор правил, налагаемых экономически-сильными, развитыми государствами на более слабые государства.

Это не означает, что необходимость в правилах международного правосудия отсутствует, во всяком случае, следует обратить особое внимание на причину этой необходимости. Однако отсюда следует, что понимание этих правил на международном уровне должно отличаться от их понимания на национальном уровне. ВТО является морально значимой организацией не в качестве самостоятельного места политического дискурса, а потому, что она представляет собой угрозу слабым государствам. Мы бы хотели подвергнуть сомнению их статус и в этой связи новые обязанности, созданные правовыми институтами. Опять же, по нашему мнению, это различие связано с тем, что государство на национальном уровне может самостоятельно выступать в качестве субъекта принуждения, тогда как правовые институты обосновывают принудительные действия государств: в первом случае наблюдаются изменения моральных отношений граждан на основополагающем уровне, во втором случае в отношениях между государствами такие изменения отсутствуют. Однако обязанности государств не эксплуатировать другие государства могут рассматриваться как достаточно широкий и размытый, аморфный набор обязанностей.

Лучшим объяснением эгалитарных обязанностей, описанных Коэном и Сейблом, может

²⁵ Альбов А.П., Ручкина Г.Ф. Влияние национальной правовой культуры, национального права и правовой системы на устойчивое развитие экономики // Государство и право. 2016. № 1. С. 47–58.

быть то, что эти обязанности являются одним частным уточнением общих обязанностей, которые конкретизируются за счет требования частного метода их исполнения. Обязанности, которые Коэн и Сейбл приписывают государствам, являются убедительными именно потому, что они предлагают средство, обеспечивающее более функциональное обоснование этих причин. В лучшем объяснении таких обязанностей они рассматриваются в качестве одной конкретной реализации более общих обязанностей, применимых к государственным агентам.

Можно сказать, что хотя Коэн и Сейбл показали привлекательную картину международного правосудия, они не привели доказательств того, что в международное право привнесены настоящие новые нормы.

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, международное право само по себе не приводит к новым обязанностям справедливости, однако международное право должно быть тем фундаментом, на котором возможно выстраивать отношения справедливости; во-вторых, международные организации могут быть реально полезны в стремлении к справедливости, даже несмотря на то, что они не создают новых норм справедливости; и, наконец, международно-правовая система, также как и национальная, является основным институтом справедливости в силу своей способности определять индивидуальные материальные запасы и оказывать влияние на жизнедеятельность всех индивидов.

Далее целесообразно было бы остановиться на распределительной справедливости в международном аспекте аргумента сотрудничества. Эта проблема по своей сути является дискуссией о распределении и перераспределении материальных благ.

Но еще Аристотель противопоставлял экономии хрематистике, как науке об обогащении, искусстве накапливать богатство, как самоцель, т.е. отрасли деятельности человека, связанной с извлечением выгоды, откуда и пошло ростовщичество, ссудный процент и т.д. Поэтому экономика всегда нравственна, а вот хрематистика по самой своей природе безнравственна. Причем это не досужие размышления философов — это реальность жизни человеческого общества. Как отмечают некоторые авторы, «глобальный процесс приватизации девяностых соизмерим только с послереволюционной национализацией двадцатых годов прошлого века. Соответственно, и последствия для страны примерно аналогичные — развал экономики одного из сильнейших государств в мире».²⁶

Наоборот, основатели США разворачивали политический проект идей эпохи Просвещения

по созданию нового миропорядка. Политическая, социальная и культурная новизна американской «неформальной империи» стала фактором, определившим ее претензии и амбиции на исключительное положение среди других политико-территориальных сообществ²⁷.

Сегодня разрабатывается концепция глобальной иерархии, которая представляет собой комплекс идей, описывающих мировой порядок как руководимый одной страной или группой наиболее развитых и политически сильных стран. Лидеры глобализации занимают здесь центральное место, а остальным следует либо присоединяться к ним (если пустят), либо следовать в фарватере их политики. Разновидностью этой концепции выступает концепция «секторальной гегемонии», когда правила игры устанавливают не государства, будучи гегемоническими, а автономные и хорошо организованные экономические институты и процессы.

Двумя основными кандидатами на роль «секторального» гегемона являются самые большие многонациональные корпорации, вовлеченные в транснациональное производство и стратегические союзы, и глобальные финансовые рынки. Многие исследователи указывают на то, что при таком управлении не остается места для демократии.

Что значит глобализация? В основном это означает, что рынок становится универсальным экономическим регулятором; и так как сфера рынка все более расширяется, то сфера демократической власти сужается: все, что подвержено рыночному контролю, не подпадает под демократическую ответственность, подпадает — под эгоистический интерес государства или корпорации, демократия превращается в кантовский «ноумен», где в лучшем случае иногда разрешают выбирать себе правителей, а право и нравственность становятся все менее значимыми. Таким образом как мы видим сфера правового, нравственного захватывается корыстными интересами «сильных мира сего».

Современная глобализация — процесс перехода от модели, разработанной Т. Гоббсом, в которой отведено место суверенным государствам, отстаивающим свои национальные интересы на уровне международных отношений, объединяющим нации, начинающим прокладывать путь к новому миропорядку. Как видно, уже в основе этой логики неизбежно заложен кризис государственного суверенитета.

Сотрудничество, таким образом, становится транснациональным сообществом и третьей силой, наряду с государством и бизнесом, прямо отрицающей нравственное в праве. Наряду с транснациональным сообществом возрастает влияние на национальную экономику и национальное право.

²⁶ Альбов А.П., Попова А.В. Экономика или хрематистика, право или нравственность // Вопросы экономики и права. 2015. № 11. С. 7–13.

²⁷ Там же.

Аргумент сотрудничества появляется, по крайней мере, в двух видах: первым, и исторически наиболее распространенным, является интерпретация базовой структуры Ролза; второй является более общим аргументом того, что институты, такие как правовая система, приводят к эгалитарным обязанностям распределительной справедливости.

Первый из них — версия аргумента по Ролзу — отчетливо наблюдался в анализах глобальной справедливости, возникших после введения «теории справедливости». Концепция базовой структуры — «способ, посредством которого крупные социальные институты распределяют основные права и обязанности и определяют преимущества от социального сотрудничества»²⁸.

Этот аргумент подкреплялся несколькими аспектами:

- международная система правовых и экономических норм считается важнейшим распределительным механизмом, при этом она распределяет материальные блага от экономического сотрудничества как между государствами, так и внутри государств;
- международные рынки влияют на экономику страны на основе международных норм;
- международная система является мощным инструментом, без которого нельзя обойтись, но это не означает, что она представляет собой базовую структуру.

Базовая структура в понимании Ролза, как это отражено и в «Теории справедливости», включает в себя основные социальные институты, отражающие суть правового государства. Однако он отказывается рассматривать международную систему как базовую структуру международного правосудия из-за признания того, что эта базовая структура государства, включающая создание принудительного агента, аналога которому нет на международном уровне, является морально отличительной сущностью, порождающей новые обязанности среди тех, кто в ней участвует.

Таким образом, и международная, и национальная сфера государств имеют определенные выгоды от сотрудничества, но только национальная сфера предполагает создание принудительного суверена с эффективной властью над всеми агентами, к которым будут применяться обязанности правосудия. Не каждый случай сотрудничества порождает обязанности распределительной справедливости. Однако остается более общий вопрос: даже если теория Ролза неэффективна для обоснования международного эгалитаризма, нельзя ли просто принять тот факт, что при наличии кооперативного предприятия всегда существует некоторое нормативное давление по отношению к материальному равенству и справедливости? Такой аргумент

недавно был сформулирован Дарреном Меллендорфом²⁸, его можно также использовать для защиты предположения, что международное право порождает новые обязанности эгалитаризма. Идея заключается в том, что обязанности социальной справедливости существуют между индивидами, имеющими моральную обязанность равного уважения друг к другу, если эти индивиды являются членами ассоциации.

Тогда очевидно возникает вопрос: является ли наличие международных правовых институтов фактически необходимым условием для применения эгалитарных норм? Если ответ будет отрицательным, то у нас появляются основания полагать, что международное право не приводит к появлению новых норм для государств, на которых это право распространяется.

Экономическая и политическая «конкурентоспособность» США становится детерминантой политики Клинтона, Буша и Обамы с целью изменить соотношение сил на мировом международном поле, «утилитаризм» является ведущим трендом политики американской администрации. «Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже, несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии; в технологическом отношении она сохранила абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, — все это обеспечивает США политическое влияние, близкое к которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова»; поэтому цель американской внешней политики должна состоять в том, чтобы «ни одно государство или группа государств не обладали потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра»²⁹.

Предположим, что в одном мире США устанавливают неэгалитарную систему правил и норм международной торговли, понимая ее как неделимую нормативную систему, которую США

²⁸ Moellendorf D. Cosmopolitanism and Compatriot Duties // *The Monist*. 2011. № 94 (4).

²⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 26, 283.

возлагают на более «маргинальные» государства в качестве договора присоединения. В другом мире США обходится без правовой системы и набора правил, а международные нормативные процедуры отсутствуют, тогда США просто используют свое положение и полагаются на большую уязвимость других государств, чтобы получить преференции для себя и благоприятные условия торговли.

Как эти два мира различаются в нормативном плане? Очевидно, что они отличаются, но это различие не существенно: если США действуют несправедливо в первом случае, то они действуют в равной степени несправедливо и во втором. Все базирующиеся на справедливости принципы, присущие первому случаю, присущи и второму. Если это верно, то к возникновению различных обязанностей справедливости приводит не создание набора правовых институтов. Эти обязанности существовали до возникновения всех правовых отношений и просто осуждали определенные формы государственного взаимодействия. Любые обязанности, есть они у нас или нет, не зависят от правового или неправового статуса норм, по которым государства действуют в своих отношениях друг с другом.

«Соединенные Штаты остаются глобальным экономическим, военно-политическим и научно-технологическим лидером — сверхдержавой, которая строит отношения с союзниками и всем остальным миром, исходя из целей сохранения своего статуса, превосходства, тотальной защищенности от любых рисков. Во имя этих целей, насколько можно судить, США готовы применять силу»³⁰.

Следовательно, международная справедливость там, где между государствами существуют совместные ассоциации, а не там, где есть международное право. США своими действиями создают, по сути, «неправильный», «однополярный» правовой порядок, который не сможет стать основанием для обязанностей распределительной справедливости.

Однако дело заключается в том, что «неправильность» не создается правовой системой. Независимо от того, придается этим действиям сила закона или нет, основой возражения является сила гегемона, используемая в несимметричной форме. Право здесь не создает систему вертикального принуждения. Не появляется нового агента, который сам по себе является предметом моральной оценки и чьи действия связаны с этой оценкой. Государства действуют на международном уровне, при этом в одном случае, они ссылаются на закон, в другом — нет. Однако такие государства являются агентами, с которыми эти действия связаны, и именно их

действия должны оцениваться как справедливые или несправедливые.

Зачастую вносят путаницу в понимание вопроса, неоправданно полагая, что в основе моральных оценок лежит международная система права, экономика или что-нибудь еще. Как бы мы ни представляли себе международную справедливость, мы не должны полагать, что она включает в себя новые обязанности, созданные международным правом. Что ни в коей мере не ставит под сомнение значения международного права.

Другой вопрос — это вопрос исполнения: даже если международное право не предполагает обязанности к справедливости, оно должно более или менее облегчить исполнение этих обязанностей. Для этого могут потребоваться определенные действия, связанные с определенными затратами, пусть даже путем создания нормативного языка для дискуссий между государствами с целью справедливого разрешения конфликтов и споров. Мы привыкли в обычной жизни думать о незаконных действиях, как об особенных в нормативном отношении, требующих специального обоснования. Незаконные международные действия, как представляется, приводят к схожим нормативным версиям, как пишет Франк «Законодательство, в том числе Устав ООН, созданы для регулирования государственных отношений в свете исторического опыта и в целях поддержания порядка. Если в конкретном случае общие принципы права препятствуют совершению правосудия, то каждый член сообщества должен решить, стоит ли нарушить этот закон. Для тех, кто сделал такой выбор, лучшей стратегией является вопрос не о смене законодательства, а исчерпывающего объяснения и особых обстоятельств, приведших к такому варианту поведения. Иными словами, государства не любят, когда их считают нарушителями закона»³¹. Международные нормы, которые более приближены к нашим фактическим обязанностям, упростят позитивную деятельность во имя справедливости и сделают ее более активной. Однако не стоит переоценивать силу международных норм права, ошибкой было бы и думать о них, как о чем-то большем, чем инструмент в борьбе за глобальную справедливость. Но эти нормы обладают определенной силой, и надо думать, что они будут пересматриваться. В качестве заключения отметим, что мы не должны ни игнорировать, ни фетишизировать международное право. Оно не порождает наши обязанности справедливости и не является упрощенным вариантом помощи в исполнении обязательств, однако оно может помочь нам

³⁰ Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. 2009. № 1 (19). Т. 7. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm>.

³¹ Franck T.M. Break It, Don't Fake It // Foreign Affairs. 1999. № 78. P. 16–18.

постепенно приближаться к целям международной справедливости.

К международному праву прибегают для обоснования «горизонтальной структуры принуждения», при которой государства применяют нормы права в оправдание своих действий по отношению друг к другу. Экономически и военно-развитые государства, такие как США, Канада, Великобритания, могут игнорировать невыгодные для себя нормы и международные судебные решения, что невозможно для других, более слабых государств. Например, США игнорировали решение Международного Суда по факту минирования ими морского побережья Никарагуа, а также решение Организации Объединенных Наций по факту вторжения США в Ирак и ряд других.

Таким образом, разделение институтов международного права само по себе не приводит к возникновению новых обязанностей распределительного эгалитаризма. Это не означает, что такие обязанности не зависят от существования международного права; мы имели бы эти обязанности независимо от того разделяем мы систему норм международного права или нет. Такие обязанности должны применяться к государствам как таковым, независимо от правовых инструментов, связывающих эти государства. Международные правовые институты могут влиять на то, как мы выполняем эти обязанности; например, они могут облегчить выполнение наших обязанностей или указать конкретный метод их реализации. При этом сами обязанности не зависят от существования правовой системы, и этот факт знаменует собой существенное различие между национальными и международными правовыми системами. Таким образом, международное право может быть источником различных обязанностей эгалитарной справедливости, и возможно в обозримом будущем оно будет иметь императивный метод регулирования и принуждать к исполнению распределительной справедливости.

В настоящее время международное право служит средством, с помощью которого государства обосновывают свои несправедливые действия по отношению друг к другу, в том числе военные акции и интервенции. Однако данное право не предполагает создание определенного коллективного агента, обладающего достаточной силой для сдерживания государств.

Список литературы

1. Альбов А.П., Шалин В.В. Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005.
2. Альбов А.П., Попова А.В. Экономика или хрематистика, право или нравственность // Вопросы экономики и права. 2015. № 11.

3. Альбов А.П., Ручкина Г.Ф. Влияние национальной правовой культуры, национального права и правовой системы на устойчивое развитие экономики // Государство и право. 2016. № 1.
4. Аристотель. Политика. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.
6. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001.
7. Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. 2009. № 1(19). Т. 7. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm>.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
9. Иващенко А.С. Проблемы социально-экономического развития новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) в 70-е гг. XX начале XXI вв. // Вестник АГУ. Серия 1. 2014. № 2 (139).
10. Ларин А.Г. Тайвань — социально-экономический, политический, идеологический феномен // История и современность. 2006. № 1.
11. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтер Клувер, 2011.
12. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. М., ИГПАН, 2004.
13. Макиннтаир А. После добродетели. Исследование теории морали. М., 2000.
14. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. М.: Зерцало, 2008.
15. Международное право. Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
16. Плагон. Федон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
17. Талаев А.Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М., 1985.
18. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
19. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999.
20. Хёффе О. Справедливость: философское введение. М.: Праксис, 2007.
21. Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
22. Cohen J., Sabel C. Global Democracy? // International Law and Politics. 2005. № 37.
23. Extra Rempublicam Nulla Justitia? // Philosophy and Public Affairs. 2006. № 34.
24. Franck T.M. Break It, Don't Fake It // Foreign Affairs. 1999. № 78.
25. Moellendorf D. Cosmopolitanism and Compatriot Duties // The Monist. 2011. № 94(4).
26. Pogge T. Realizing Rawls. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.
27. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: Thebelknap press of Harvard University press Cambridge, Massachusetts. 1993.
28. Risse M. Do We Owe the Global Poor Assistance or Rectification? // Ethics and International Affairs. 2005. № 19.
29. Scanlon T.M. Promises and Practices // Philosophy and Public Affairs. 1990. № 19.
30. The Globalization and Dependency Reader: Perspectives on Development and Global Change / Eds. Roberts J.T. and Hite A.B., Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2007.
31. The Philosophy of International Law. Oxford: Oxford University Press.
32. The Role of International Law in Reproducing Massive Poverty / Eds. S. Besson and J. Tasioulas.
33. Watkins K., Fowler P. Rigged Rules and Double Standards: Trade, Globalisation and the Fight Against Poverty. Oxford: Oxfam, 2004.
34. World Poverty and Human Rights. New York: Polity, 2010.

Modern International Law and Global Justice: Oxymoron or New Normal

Albov A.P.,

Doctor of Law, Professor of the Financial University,
Department of «Legal Regulation of Economic Activity»,
Professor of the Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture of Ilya Glazunov,
Professor of the Russian University of Cooperation,
Professor of Department of Theory and History of State and Law, Institute of World Civilizations
E-mail: aap62@yandex.ru

Bulavina M.A.,

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law Institute of World Civilizations
E-mail: m.a.bulavina@yandex.ru

Abstract. *The article analyses international relations from the point of view of the principle of fairness. Particular emphasis is placed on the influence of international law on the formation of obligations of subjects of international law. The authors come to the conclusion that duties exist regardless of whether the shares subject to the rules of international law or not. However, international institutions may influence how the subject performs these duties.*

Keywords: *justice, international relations, international law, distributive egalitarianism, international obligations, international institutions, the US and Western Europe.*

References

1. Al'bov A.P., Shalin V.V. Pravo i tolerantnost': liberal'naya traditsiya v epokhu globalizatsii. 2-e izd., pererab. i dop. Krasnodar: Krasnodarskaya akademiya MVD Rossii, 2005.
2. Al'bov A.P., Popova A.V. Ekonomika ili khrematistika, pravo ili npravstvennost' // Voprosy ekonomiki i prava. 2015. № 11.
3. Al'bov A.P., Ruchkina G.F. Vliyanie natsional'noy pravovoy kul'tury, natsional'nogo prava i pravovoy sistemy na ustoychivoe razvitiye ekonomiki // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 1.
4. Aristotel'. Politika. Soch.: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983.
5. Bzhezinskiy Z. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999.
6. Byukenen A. Setsessiya. Pravo na otdelenie, prava cheloveka i territorial'naya tselostnost' gosudarstva. M.: Rudomino, 2001.
7. Voytolovskiy F. Nestabil'nost' v mirovoy sisteme // Mezhdunarodnye protsessy. 2009. № 1 (19). T. 7. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm>.
8. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.
9. Ivashchenko A.S. Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya novykh industrial'nykh stran Yugo-Vostochnoy Azii (Yuzhnaya Koreya, Singapur, Tayvan') v 70-e gg. KhKh nachale KhKhI vv. // Vestnik AGU. Seriya 1. 2014. № 2 (139).
10. Larin A.G. Tayvan' — sotsial'no-ekonomicheskoy, politicheskoy, ideologicheskoy fenomen // Istoriya i sovremennost'. 2006. № 1.
11. Lezhe R. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoy podkhod. M.: Volter Kluver, 2011.
12. Lukashuk I.I. Sovremennoye pravo mezhdunarodnykh dogovorov. M., IGPAN, 2004.
13. Makintair A. Posle dobrodeteli. Issledovanie teorii morali. M., 2000.
14. Martens F.F. Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo tsivilizovannykh narodov. T. 1. M.: Zertsalo, 2008.
15. Mezhdunarodnoye pravo. Uchebnik dlya vuzov / Pod red. G.V. Ignatenko i O.I. Tiunova. M.: NORMA-INFRA, 1999.
16. Platon. Fedon. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1993.
17. Talaev A.N. Pravo mezhdunarodnykh dogovorov: deystvie i primeneniye dogovorov. M., 1985.
18. Khabermas Yu. Vovlecheniye drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. SPb.: Nauka, 2001.
19. Khayek F. Poznanie, konkurentsia i svoboda. SPb., 1999.
20. Kheffe O. Spravedlivost': filosofskoe vvedeniye. M.: Praxis, 2007.
21. Yum D. Soch.: v 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1996.